

циальной стратификации и т. д., ибо от такого отождествления всего один шаг до откровенного фашизма. И только тогда мы узнаем неприятную «новость»: в нашем мире человек с «неправильной» с точки зрения какой-либо общности идентичностью зачастую просто перестает восприниматься этой общностью как человек – он есть «всего лишь какой-то» маргинал, апатрид, заключенный концлагеря, изгой, наконец, homo sacer (см.: [1, с. 79]), т. е. человек, попавший в такие условия, когда никакая общность и никакое государство уже не воспринимают его как «своего», и ему остается только собственная голая человечность, равная голой животности.

В моих рассуждениях об «омирении» и идее суверенного сообщества есть, разумеется, определенный пафос, однако этот пафос не является самоцелью, возбуждением эмоции ради эмоции, но стоит на службе у логоса и, в особенности, этоса. Ибо, на мой взгляд, обсуждение любой проблемы, даже вполне материального характера (а таковой, безусловно, является проблема совместной жизни людей в условиях глобализации), должно разворачиваться в виду идеального горизонта предельной возможности; лишь в соотношении с ним любой наш выбор (даже если мы выбираем миф, – а мы вынуждены его выбирать, ничего другого нам и не остается) обретает свой реальный, немифический смысл.

Библиографические ссылки на источники

1. Агамбен Дж. Грядущее сообщество. М., 2008.
2. Деррида Ж. Глобализация, мир и космополитизм // Космополис. 2004. № 2 (8).
3. Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л. Нацистский миф. СПб., 2002.
4. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск, 2004.
5. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. М., 2009.
6. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб., 2006.
7. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.

СОЦИАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: НЕКОТОРЫЕ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А. М. Пономарёв

*кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Удмуртского филиала Института философии и права
Уральского отделения РАН, Ижевск*

К одной из актуальных проблем социальной философии относится определение особенностей юридических отношений в ряду других социальных отношений. Применительно к нашей стране

эта актуальность обусловлена среди прочего проблемами практического характера, ибо создание так называемого «правового общества» оказалось сопряжено с большими трудностями. В более широком контексте актуальность определяется нарастанием юридизации общества в целом, практически всех его подсистем. Можно предположить, что эта тенденция относится к характерным чертам общества, которое определяется через понятие «постмодернистское общество». Последствия этого процесса обескураживают: с одной стороны – практически тотальная юридическая регламентация, а с другой – жалобы на снижение эффективности юридического регулирования.

К практическим проблемам, актуализирующим рассматриваемый вопрос, добавляются проблемы теоретического характера. Так, в области теории права наблюдается кризис юридико-позитивистских концепций, занимавших сильные позиции еще в середине XX в. Данное обстоятельство заставляет юристов-теоретиков обращаться к моральным и философско-правовым вопросам, которые традиционно разрабатывались в рамках естественно-правового подхода. Примером в отечественном правоведении могут служить работы С. С. Алексеева, В. С. Нерсисянца, Ю. В. Тихонравова. В свою очередь, философское сообщество оказалось не готовым откликнуться на возникший запрос. Как пишет об этом П. Рикёр, «...в нашей дисциплине мало внимания уделяется вопросам юридического плана... специфический статус юридического не затрагивался...» [5, с. 9–10].

П. Рикёр такое состояние дел в философии объясняет «...шоком, вызванным разгулом насилия на протяжении страшного XX в.» [5, с. 10]. Но наряду с этой «эпохальной» причиной, которую следует, скорее, назвать контекстом философствования на тему права, нужно указать и на «эпистемологическую» составляющую сложившейся ситуации. Содержание этой составляющей заключается не только в «отказе» научных дисциплин признавать за философией методологическую роль. В области исследования права, юридических отношений этот «отказ» в условиях господства юридического позитивизма привел к «монополии корпорации» профессиональных юристов, т. е., лиц, имеющих разнообразные «дипломы государственного образца», на толкование всего многообразия юридических явлений в обществе. Но если в области теории права исследователи-юристы становятся более восприимчивы к высказываниям не-юристов, то в области практического профессионального мышления юристов ситуация принципиально не меняется. Эта социальная практика юристов выступает в качестве того, что А. Ольеро называет «предтеорией», обуславливающей теоретическое юридическое мышление и характеризующейся

«...аксиологическим агностицизмом и абсолютизацией властно-политического аспекта формы права» [4, с. 140]. Обычный аргумент «дипломированного юриста», пресекающий суждения по юридической тематике не-юриста, таков: юридическая материя требует специальной подготовки и обширных знаний в сфере законодательства и юридических техник.

В связи с этим следует отметить, что суждения о праве не могут быть «монополией» какой-либо социальной корпорации. Обратное утверждение аналогично утверждению о том, что суждения о политике являются монопольной прерогативой политиков. Право, претендуя на всеобщность и императивную обязательность для всех, является всеобщим и публичным в той же мере, что и политика. Иное дело, что характер суждений таких социальных персонажей, как «теоретик», «практик» и «обыватель», различаются. И это различие заключается не в субординации статусов персонажей (против чего, например, «бунтуют» юристы, отказывая в особом статусе философии и приступая к разработке собственных «философий права»). Различие заключается в методологическом «темпераменте» этих социальных персон и «характере» производимого ими знания.

Наглядно это различие может быть продемонстрировано при сопоставлении перечисленных позиций как теоретического, социально-технологического и обыденного познания, каждое из которых «...можно представить в виде трех частично пересекающихся подмножеств... По сути дела, речь идет о разных способах изучения мира социальных отношений, каждый из которых имеет право на свое отдельное существование и не поглощается другим» [2, с. 13].

Различия между повседневным, социально-технологическим, научным познанием проявляются, соответственно, в следующем:

- в общей оценке картины мира (интегральное видение, алгоритмизированное системное видение, предметно-структурированное видение);
- в направленности (на разрешение ситуации, на контроль и управление ситуацией, на новые знания);
- в логике (обеспечение связанности действий, обеспечение нормативной последовательности действий, обеспеченность связанности рассуждений и аргументации);
- в уровне рациональности (отсутствие требования логической рациональности, минимально необходимый уровень логической строгости, ограниченность парадигмой);
- в соотношении общего и частного (индивидуализация ситуации, типологизация, объективирование и деиндивидуализация);

– в целеполагании (неосознаваемое определяется эффективностью деятельности или запросами практики, формулируется логикой познания);

– во временной перспективе (прошлое-настоящее-будущее, настоящее-будущее, прошлое-будущее);

– в пространстве (реальное и динамическое, реально и идеально динамическое, идеальное и статичное);

– в используемом языке (обыденный, нестрогий специализированный, строго специализированный) см.: [2, с. 17]).

Из перечисленного видно, что между практическим мышлением юриста как социально-технологическим познанием и научным познанием права нет непреодолимой границы, но нет и тождества (подробнее см.: [3, с. 50–55]).

В рамках теоретического познания также возможны различные типы знания о праве, но уже предопределяемые способами познания, предметно-проблемными полями различных научных дисциплин и парадигмальными позициями исследователей. Естественно, обозначенные различия существуют в условиях «проницаемости» междисциплинарных и межпарадигмальных границ. Можно утверждать, что диалог между различными дисциплинарными и парадигмальными позициями не только необходим, но и является условием более полного познания права как динамического, развивающегося (в том числе и за счет теоретического познания) объекта исследования. Более того, такая коммуникация является фактическим осуществлением методологического принципа дополнительности в современном познании и реализует современную модель трансцендентализма (см.: [6, с. 344–396]). В ходе этой коммуникации позиция социальной философии, вслушивающейся в высказывания с иных позиций, не только возможна, но и востребована. Не в последнюю очередь такая востребованность задается социальными нормами как общим проблемным полем, в котором приходится работать и социальному теоретику, и теоретику права. Исследование в рамках анализа «социального действия» логико-нормативных аспектов «социализированного» мышления, «...которые непосредственно участвуют в определении характера социальной практики» [7, с. 12–13], – вклад, который может быть внесен в обсуждение правовой проблематики только философией.

Частным случаем такого анализа является определение условий, социальных ситуаций, в которых бытующая в обществе норма может приобретать характер нормы юридической. Данная задача, во-первых, может быть признана задачей, непосредственное решение которой входит сферу интересов социальной философии. Но, во-вторых, решена она может быть только в рамках категории, интегрирующей помимо результатов социальных исследований

и результаты исследований юристов. На наш взгляд, таковой категорией может быть категория «социально-юридическая система». Данная категория, в частности, позволяет включить результаты исследований юристов, уделяющих внимание проблеме специфики юридических отношений, их выделения из числа прочих социальных отношений на основе определения специфики юридической нормы. Примером такого подхода является модель, разработанная Ж. Карбонье.

Ж. Карбонье прямо ставит задачу выделения специфического признака юридичности, позволяющего отличить социальное неправовое явление от правового. Критический анализ предлагаемых и в социальных, и в юридических теориях критериев юридичности приводит его к выводу, что искать таковой критерий следует в сфере применения, реализации однажды сформулированной нормы. Из двух возможных критериев, выявляемых теориями в этой сфере – принуждение и порядок рассмотрения, – им отдается предпочтение второму (см.: [1, с. 164]).

Ж. Карбонье пишет: «Процесс и решение – таковы психосоциологические феномены, которые настолько чужды всем социальным неправовым явлениям и настолько специфичны для права, что наиболее правильным представляется избрать именно их в качестве критерия юридического». И далее раскрывает содержание критерия с использованием термина «юстициабельность», использованного Г. Канторовичем в его определении права. «В соответствии с этим признаком правовыми являются лишь нормы, дающие возможность вынесения решения... Юстициабельность охватывает... универсальный круг явлений, включающий всякое обращение к судье-арбитру, даже если оно не облечено в предписанные формы и представляет собой не более чем простую жалобу. Кроме того, данная теория не вкладывает в понятие решения жесткие характеристики современной процедуры. Это решение может быть построено по принципу силлогизма, но может иметь и харизматический характер. Существенно именно вмешательство судьи, третьего лица (безразлично, частный ли это арбитр или государственный чиновник), поставленного в особое положение, с тем чтобы критически разобраться в существе спора между сторонами и найти выход из сложившегося положения с помощью решения. Как только отношение между двумя лицами становится объектом рассмотрения со стороны третьего лица, которое решит спорные вопросы, это означает, что данное отношение из области нравов перешло в несколько неопределенное царство права» [1, с. 170–171]. Исходя из этого в качестве юридических отношений должны быть признаны отношения, в которых происходит «...вмешательство в отношения двух противостоящих сторон

третьего лица – судьи... Происходит переход от диады к триаде» [1, с. 152]. Социальные ситуации, в которых происходит подобный переход, в которых «...юридическое явление, находящееся в определенной пространственной и временной (синхронной и диахронической) среде... встречается с другими [социальными явлениями], между ними возникают связи... что мы предлагаем назвать юридической системой» [1, с. 142].

Как философ схожую позицию занимает П. Рикёр, предлагая описание механизма перехода социального в юридическое. В его описании принципиально важны следующие моменты: коммуникативное структурирование ситуации, в ходе которого появление «третьего лица» и необходимо, и возможно; характер апелляции участников отношений, которые в качестве тяжущихся апеллируют не к статусу «арбитра» или его личности, а к норме (т. е. апеллируют не «к кому», а «к чему»); приобретение социальной нормой свойства, позволяющего апеллировать к ней и выносить решение в рамках организуемой на ее основе процедуры, которая и задает статус «арбитра».

Наибольший интерес в этом описании представляет связь речевой практики с определением социальной дистанции, с выделением социальной позиции, «...обозначаемой местоимением каждый, местоимением безличным, но не безымянным» [7, с. 38]. П. Рикёр обращает внимание на формирование правосубъектности, которая непосредственно связана с «самостью» субъекта, или – с «диалогическим образованием Себя», которое предполагает обязательность другого. При этом важно различие в другом: П. Рикёр выделяет «другого» межличностного отношения и «другого» дистанцированного, отношение к которому опосредовано особым социальным институтом. К этому дистанцированному «другому» приложим предикат «каждый». Представление об опосредовании дистанцированности «каждого» социальным институтом, «третьим», позволяет утверждать, что формируется трехчленная структура социальной интеракции, изначально направленная на интеграцию социальной целостности.

Разрешение конфликта в этой модели появляется как важный момент, но он выступает следствием ее базовой направленности. Конфликт лишь позволяет наиболее ярко продемонстрировать необходимость «третейского арбитража», без которого невозможно установление правомерной дистанции. П. Рикёр пишет: «Но как можно установить такую дистанцию, если не при помощи выхода на сцену некоего третьего, не являющегося ни одним из protagonists? Тому служит основное уравнение, где справедливое начинает отличаться от не-несправедливого, – уравнение между правосудием и беспристрастностью. Справедливая дистанция, посредничество кого-то третьего, беспристрастность становятся вели-

кими синонимами чувства справедливости...» [5, с. 14]. «Третий» – оператор справедливой дистанции, в которой общество нуждается как «предприятие» по распределению ролей, задач, привилегий и повинностей. Процедурой, которой позволяет участникам общественных отношений устанавливать эту дистанцию, является тяжба. «...С институтом суда тяжба сталкивает стороны, ставшие “друзьями” посредством судебной процедуры; точнее говоря, этот институт воплощается в персонаже судьи, который, выступая в качестве третьей стороны процесса, образует фигуру третьего во второй степени; он – оператор справедливой дистанции, устанавливаемой между сторонами судебным процессом» [5, с. 17].

В теориях, связывающих сущность права с судебной практикой, возникает проблема, неразрешимая в рамках юридических теорий, – обязывание судьи, справедливое и беспристрастное применение им закона в ситуации, когда над ним не висит угроза карательных санкций (см.: [4, с. 153–155]). П. Рикёр предлагает возможный вариант решения этой проблемы. Иерархизируя предикаты квалификации человеческого действия, он прослеживает переход в оценке одного и того же действия с теологического уровня через деонтологический к «практической мудрости», проявляющейся в «...прямом столкновении с реальными ситуациями... с трагизмом действия» [5, с. 26]. Исходным пунктом такого перехода является сопряжение институционально опосредованного «другого» как «каждого» с со-бытием (право)способности и вменения. Институциональное опосредование проявляется не только в юридической сфере (возможен «каждый» политический, экономический и т. п.). Для каждой сферы обязателен переход от «оптатива» к «императиву», к деонтологическому уровню. Специфика юридической сферы: «...должно добавлять к [телеологическому] предикату благого предиката обязательного... в негативной фигуре защищаемого» при факте насилия, а также независимость судьи с целью соблюдения беспристрастности. Последнее располагается «...в средоточии деонтологической точки зрения. Что обязывает в обязанности, так это отстаивание универсальной значимости, придаваемой идее закона» [5, с. 21]. И основной ставкой отстаивания универсальности является формальный статус нормы, процедурный статус операций достижения телоса. Возникает «трагизм действия» – социальное действие оказывается разорванным между телосом и формализмом юридической системы. Именно поэтому юридическое не может ограничиваться деонтологическим уровнем в качестве единственного и привилегированного. Юридическое находит полную выраженность в универсальном по форме суждении, содержанием которого является единичный случай, которое в обязывающей модальности устраняет неопреде-

ленности этого случая. Тем самым происходит возврат юридического в сферу социального.

Приведенные примеры не только иллюстрируют возможность взаимного дополнения философских и юридических подходов при решении общих задач, позволяют обозначить ряд принципиальных моментов, значимых с эпистемологической точки зрения в процессе исследования права. Вкратце они могут быть суммированы следующим образом.

Система юридических отношений корректно может анализироваться только в качестве социальной системы. При этом речь должна идти не столько о том, что социальные отношения предшествуют юридическим, или о том, что юридические отношения остаются отношениями между «социализированными» агентами и т. п. Речь должна идти о том, что любые социальные отношения в качестве имманентного момента содержат юридичность. В ситуациях, когда социальные отношения оказываются дестабилизированы изнутри, это свойство актуализируется, происходит развертывание юридического отношения.

В условиях, когда «нормой» становится стабилизация социальных отношений посредством их юридизации, совокупность юридических отношений должна сводиться в систему. Соответственно, требуется решение таких проблем, как социокультурное обоснование автономности и целостности такой системы; фундирование ее деонтологических аспектов; выбор способов формализации ее процедур; легитимизация системы в сознании членов сообщества и т. д. Исходя из решения этих вопросов возможна типологизация социально-юридических систем, которые могут быть определены как социокультурные механизмы стабилизации социальных отношений/систем посредством своеобразной «экстеоризации» их юридичности и развертывания на ее основе формализованных юридических отношений/систем.

Библиографические ссылки на источники

1. Карбонье Ж. Юридическая социология : [пер. с фр.] М., 1986.
2. Подшивалкина В. И. Социальные технологии: проблемы методологии и практики. Кишинев, 1997.
3. Пономарёв А. М. Познавательные возможности правовых технологий // Современные социально-политические технологии : материалы 13-й Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 2008.
4. Право XX века : Идеи и ценности : сб. обзоров и рефератов. М., 2001.
5. Рикёр П. Справедливое : [пер. с фр.] М., 2005.
6. Шуман А. Н. Трансцендентальная философия. Минск, 2002.
7. Шуман А. Н. Философская логика: истоки и эволюция. Минск, 2001.